

Карло Кафьеро
Анархия и Коммунизм
1880

скопировано 10.10.2025 <https://www.aitrus.info/node/5155>
перевод с французского В. Дамье.

ru.anarchistlibraries.net

Анархия и Коммунизм

Карло Кафьеро

1880

Доклад, с которым выступил итальянский анархист Карло Кафьеро на конгрессе Юрской федерации Международной ассоциации трудящихся в Шо-де-Фоне, является одним из первых сохранившихся документов с изложением принципов анархистского коммунизма. Текст был опубликован в Женевской газете «Лё Револьт» в 1880 году. По этому докладу Юрская федерация одобрила принятие позиций анархистского коммунизма.

На конгрессе, который проводился в Париже Центральным регионом, один из ораторов, отличающийся своим ожесточением против анархистов, заявил: «Коммунизм и анархия **вопиют** от того, что оказались вместе». Еще один оратор, также высказывавшийся против анархистов, но не столь бурно, воскликнул, говоря об экономическом равенстве: «Как свобода может нарушаться, если существует равенство?»

Так вот! Я считаю, что оба оратора ошибались.

Вполне можно иметь экономическое равенство, не имея ни малейшей свободы. Некоторые религиозные

общины служат живым свидетельством этому, поскольку там существуют полнейшее равенство одновременно с деспотизмом. Равенство полное, потому что вождь одевается в те же ткани и ест за тем же самым столом, что и остальные; он отличается от них только имеющимся у него правом командовать. А приверженцы «народного государства»? Если бы они не наталкивались на всевозможные препятствия, то, я уверен, они, в конце концов, осуществили бы полное равенство, но одновременно – и самый совершенный деспотизм. Ведь не стоит забывать о том, что деспотизм современного государства лишь усилился бы экономическим деспотизмом за счет всех капиталов, что перешли бы в руки государства, и все это возросло бы многократно, благодаря всей централизации, необходимой для этого нового государства. Именно поэтому мы, анархисты, друзья свободы, предлагаем бороться с ними не на жизнь, а на смерть.

Таким образом, вопреки тому, что было заявлено, имеются все основания опасаться за судьбы свободы, даже если будет существовать равенство. В то же время, не следует испытывать никаких страхов за судьбы равенства там, где существует подлинная свобода, то есть, анархия.

Наконец, *анархия и коммунизм* отнюдь не вопят от того, что оказались вместе. Они вопили бы, если бы не оказались вместе. Ведь оба эти слова, синонимы **свободы и равенства**, – это два условия, совершенно необходимые для революции и неотделимые друг от друга.

Наш революционный идеал очень прост, как легко увидеть: как и у всех наших предшественников, он состоит из двух этих понятий: свободы и равенства. Есть лишь одно маленькое отличие. Наученные трюками, которые реакционеры всех сортов и во все времена совершали со свободой и равенством, мы порекомендовали сами себе использовать, вместо этих двух терминов, выражение, которое бы

точно выражало их смысл. Обе эти ценные монеты столь часто фальсифицировали, что мы решили, в конце концов, узнать и измерить их истинную ценность.

Вот почему на место этих двух слов, «свобода» и «равенство», мы поставили два равнозначных, но таких, чье значение не может больше ввергнуть в двусмысленность. Мы говорим: **«Мы хотим свободы, то есть, анархии, и равенства, то есть, коммунизма».**

Анархия сегодня – это атака, это война против любого авторитета, любой власти, любого государства. В будущем обществе анархия станет защитой, препятствием для восстановления любого авторитета, любой власти, любого государства: полная и безраздельная свобода индивида, который, свободно и руководствуясь исключительно своими нуждами, вкусами и симпатиями, соединяется с другими индивидами в группу или ассоциацию; свободное развитие ассоциации, которая федеративно соединяется с другими в коммуну или квартал; свободное развитие коммун, которые федеративно соединяются в регион – и так далее: регионы – в страну, страны – в человечество.

Коммунизм – вопрос, который занимает нас сегодня особо – это второй пункт нашего революционного идеала.

В настоящее время, *коммунизм* – это прежде всего атака; это не разрушение авторитета, а завладение, от имени всего человечества, всем богатством, имеющимся на Земном шаре. В будущем обществе, коммунизм станет пользованием всем имеющимся богатством всеми людьми и в соответствии с принципом: *От каждого по его способностям, каждому по его потребностям*, то есть: *От каждого и каждому по его воле*.

Следует отметить – и это особенно касается наших противников, авторитарных или государственных коммунистов, – что захват владения и пользование всеми существующими богатствами должны, по нашему мнению, быть

делом самого народа. Поскольку народ, человечество не являются индивидами, способными завладеть богатство и удержать его обеими руками, говорят они, то необходимо, по этой причине установить какой-либо вид руководителей, представителей и хранителей общего достояния. Но мы не разделяем этого мнения. Никаких посредников, никаких представителей, которые, в конце концов, начинают представлять только самих себя! Никаких регуляторов равенства, тем более – регуляторов свободы! Никакого нового правительства, никакого нового государства, хотя бы даже оно именовало себя народным или демократическим, революционным или временным!

Общее богатство разбросано по всей земле, по праву принадлежа всему человечеству; те, кто находится вблизи этого богатства, и в той мере, в какой они пользуются им, пользуются им совместно. Люди той или иной страны используют землю, машины, мастерские, дома и так далее в этой стране и пользуются ими все вместе. Как часть человечества, они осуществляют здесь, фактически и непосредственно, свое право на часть богатства человечества. Но если какой-либо житель Пекина приедет в эту страну, он будет пользоваться теми же правами, что и все остальные; вместе с другими, он будет сообща пользоваться всем богатством страны так же, как он делал бы это в Пекине.

Так что сильно заблуждался тот оратор, который обвинял анархистов в желании установить групповую собственность. Хорошеньким делом было бы разрушить государство, чтобы заменить его множеством маленьких государств! Убить чудовище с одной головой, чтобы столкнуться с тысячеголовым чудовищем!

Нет, говорили и не устаем повторять мы, никаких посредников, маклеров и принуждающих служителей, которые в итоге становятся настоящими хозяевами: мы хотим, чтобы все имеющееся богатство было **взято во владение**

не полагаться только на вкус и аппетит каждого при раздаче еды. Необходимо осуществлять рационирование, и – будь то по инициативе матери или с молчаливого согласия всех – порции сокращаются. Но посмотрите-ка: это распределение производится не в соответствии с заслугами, ведь самые большие порции всегда получают младшие и средние дети, а лакомый кусочек откладывается для старой бабушки, которая вообще ничего не приносит в семью. Даже в голодное время в семье применяется этот принцип рационирования согласно нуждам каждого. Так будет ли иначе в великой семье человечества будущего?

Очевидно, следовало бы сказать еще больше на эту тему, если бы я не рассматривал ее перед анархистами.

Нельзя быть анархистом, не будучи коммунистом. Действительно, малейшая идея ограничения уже содержит в себе семена авторитаризма. Она не может проявляться иначе, кроме как порождая немедленно закон, судью и жандарма.

Мы должны быть коммунистами, потому что в коммунизме мы осуществим подлинное равенство. Мы должны быть коммунистами, потому что народ, который не понимает коллективистских ухищрений, великолепно понимает коммунизм, как это уже заметили друзья Реклю и Кропоткин. Мы должны быть коммунистами, потому что мы анархисты, потому что анархия и коммунизм – это два необходимых условия революции.

непосредственно самим народом, чтобы оно хранилось его могучими руками, и чтобы он сам решал, как лучше пользоваться им, будь то для производства или для потребления.

Но нас спрашивают: а применим ли коммунизм? Хватит ли у нас продуктов, чтобы предоставить каждому право брать их по своей воле, не требуя от индивидов больше работы, которой те не пожелаю делать?

Да, отвечаем мы, конечно, можно будет применить этот принцип: **От каждого и каждому по его воле**, ведь в будущем обществе производство станет настолько обильным, что не будет никакой необходимости ни ограничивать потребление, ни требовать от людей больше работы, чем они смогут или захотят исполнить.

Это гигантское увеличение производства, какое сегодня мы не можем себе даже представить, можно предугадать на основании изучения порождающих его причин. Эти причины можно свести к трем основным:

- Гармония сотрудничества в различных сферах человеческой деятельности, заменяющая нынешнюю борьбу, которая переводится в конкуренцию;

- Введение в огромном количестве всевозможных машин;

- Значительная экономия рабочей силы, орудий труда и сырья, за счет устранения вредного или ненужного производства.

Конкуренция, борьба – один из основополагающих принципов капиталистического производства, девиз которого: *Mors tua vita mea*, твоя смерть – это моя жизнь. Гибель одного приносит удачу другому. И эта ожесточенная борьба идет от страны к стране, от региона к региону, между людьми – как между трудящимися, так и между капиталистами. Это война не на жизнь, а на смерть, битва в любых формах: поединков, сражений между

группами, взводами, полками, армейскими корпусами. Один рабочий находит работу там, где другой ее теряет; одна или несколько отраслей процветают в то время, как другие приходят в упадок.

А теперь представьте себе, что в будущем обществе этот индивидуалистический принцип капиталистического производства **«Каждый за себя и против всех, и все против каждого»** будет заменен настоящим принципом человеческой социальности: **«Каждый за всех, и все за каждого»**. Разве не произойдет в результате гигантская перемена в результатах производства? Представьте себе, как возрастет производство, если каждый человек вместо того, чтобы бороться против всех остальных, будет получать от них помочь, когда он станет им уже не врагом, а со-трудником. Если труд 10 человек приносит результаты, совершенно невозможные для одного отдельного человека, – насколько велики будут результаты, достигнутые в результате великого сотрудничества всех людей, которые сегодня трудятся враждебно друг по отношению к другу?

А машины? Каким бы огромным ни казалось нам сегодня появление этих могучих помощников в труде, оно минимально по сравнению с тем, каким станет оно в будущем обществе.

Сегодня машина сталкивается с невежеством капиталиста, а еще чаще – с его незаинтересованностью. Сколько машин не используются только лишь потому что они не приносят капиталисту немедленной выгоды? Разве станет, к примеру, угольная компания входить в расходы, чтобы учитывать интересы работников, и строить дорогостоящие механизмы для спуска шахтеров в шахту? Разве станет муниципалитет внедрять машину для разбивания камней, пока эта работа дает ему средство дешево снабжать по-даками голодных? Сколько открытых, сколько научных

то оно совершенно исчезнет в тот день, когда все станут производителями и потребителями одновременно.

Так что, как видим, эта теория не может придать новую силу приверженцам индивидуального присвоения продуктов труда. Эта теория привела лишь к одному-единственному результату: она сорвала маску с игры нескольких социалистов, которые хотели бы ограничить размах революционной идеи. Она открыла нам глаза и продемонстрировала необходимость того, чтобы мы ясно и определенно объявили себя коммунистами.

Но рассмотрим, наконец, единственное серьезное возражение, которое наши противники выдвигают против коммунизма.

Все соглашаются, что мы неминуемо идем к коммунизму, но нам замечают, что вначале продуктов не будет в достатке, и следует ввести рационирование, раздел, а самый лучший раздел продуктов труда основывался бы на количестве труда, выполненного каждым человеком.

На это мы отвечаем, что даже если в будущем обществе потребуется осуществлять рационирование, то и в этом следует оставаться коммунистами: иными словами, рационирование должно осуществляться не в соответствии с **заслугами**, а в соответствии с **нуждами**.

Возьмем семью, эту модель маленького коммунизма (правда, коммунизма скорее авторитарного, чем анархистского, но в нашем примере это ничего не меняет).

Итак, предположим, что отец приносит в семью 100 су в день, старший сын – 3 франка, более младший – 40 су, а совсем еще мальчишка – 20 су в день. Все они несут деньги матери, которая держит семейную кассу и готовит им еду. Все они приносят неравные суммы денег, но за обедом каждый из них ест по своему вкусу и в соответствии со своим аппетитом; никакого рационирования нет. Но вот наступают тяжелые времена, и нужда заставляет мать уже

проводить различия и разделения в этом вопросе и, в конце концов, превратились в апостолов следующего тезиса:

«Есть, говорят они, потребительные ценности, а есть ценности производственные. Потребительные ценности – это такие, которые мы используем для удовлетворения наших личных нужд: это дома, в которых мы живем, продукты питания, которые мы потребляем, одежда, книги и так далее. А производственные ценности – это такие, которые служат нам для производства: это мастерская, ангары, хлев, склады, машины и орудия труда любых видов, земля, сырье и так далее. Первые ценности, служащие удовлетворению личных нужд, должны подлежать индивидуальному присвоению, говорят они, а вторые, которые служат для производства, – присвоению коллективному».

Такова новая экономическая теория, обнаруженная или скорее возобновленная по необходимости. Но я спрашиваю вас, тех, кто любезно присваивает титул производственной ценности углю, который служит пищей для машины, маслу, что служит для ее смазки, и маслу, служащему для освещения ее работы, – почему вы отказываете в нем хлебу и мясу, которые служат пищей для меня, маслу, которым я заправляю салат, газу, что освещает мою работу, – всему тому, что служит для жизни и работы самому совершенному из всех механизмов, родителю всех машин: человеку?

Вы относите к производственным ценностям прерию и стойло, где размещаются быки и лошади, но хотите исключить из этой категории дома и сады, которые служат самому благородному из всех животных: человеку?

Ну и где же ваша логика?

И прежде всего, вы сами, ставшие апостолами этой теории, прекрасно знаете, что в реальности такого разделения не существует и что если сейчас трудно его отследить,

достижений сегодня остается мертвой буквой только лишь потому, что они не служат выгоде капиталиста!

Да и сам трудящийся сегодня – враг машин, и он имеет на это основания, поскольку они противостоят ему как чудовища, которые вот-вот изгонят его с фабрики, обрекут на голод, мучения и гибель. И какой огромный интерес увеличить их количество получит он, если не будет больше прислужником машин, но, наоборот, они станут служить ему, помогать и работать на его благо!

Наконец, следует принять во внимание огромную экономию во всех трех элементах труда – рабочей силе, орудиях и сырье, которые сегодня подвергаются чудовищной растрате, используясь для производства вещей, совершенно бесполезных, если вообще не вредных для человечества.

Сколько работников, сколько сырья и сколько орудий труда используются сегодня армией и флотом для строительства военных судов, крепостей, пушек и всего этого арсенала оборонительного и наступательного оружия, – разве не так? Какое количество этих сил используется для производства предметов роскоши, служащих исключительно для удовлетворения нужд тщеславия и коррупции!

Но если вся эта сила, все эти сырье материалы, все эти орудия труда будут использоваться в промышленности, в производстве предметов, которые, в свою очередь, послужат производству – разве не предстоит нам увидеть тогда колossalное увеличение производства?

Да, коммунизм осуществим! Можно позволить каждому брать по его желанию то, в чем имеет нужду, потому что хватать будет для всех. Больше не потребуется требовать от людей больших затрат труда, чем каждый захочет дать, потому что всегда будет достаточно продуктов на завтрашний день.

И благодаря этому обилию, труд утратит этот чудовищный характер порабощения; ему будет придано исключительно обаяние моральной и физической потребности, – потребности изучать природу и жить с ней.

Но мало заявлять, что коммунизм – вещь **возможная**. Мы можем провозгласить, что он – **необходим**. Не только можно быть коммунистом; им **нужно быть**, рискуя, в противном случае, не достичь цели революции.

Действительно, если, овладев сообща орудиями труда и сырьем, мы сохраним индивидуальное присвоение продуктов труда, мы окажемся вынуждены сохранить деньги и тем самым большее или меньшее накопление богатств, в соответствии с большими или меньшими заслугами или, скорее, местом проживания индивида. Таким образом, равенство исчезнет, ведь тот, кто сможет обладать большим богатством, уже окажется выше уровня других. Останется всего лишь шаг для того, чтобы контрреволюционеры установили право наследования. И действительно, я знаю одного уважаемого социалиста, якобы революционного, который поддерживал индивидуальное присвоение продуктов, а в конце концов заявил, что не видит ничего неприемлемого в том, что общество допустит передачу этих продуктов по наследству: по его мнению, это не имеет большого значения. Для нас же, кто прекрасно знает, к каким результатам пришло общество с подобным накоплением богатств и их передачей по наследству, в этом вопросе не может быть никакого сомнения.

Но индивидуальное присвоение продуктов восстановило бы не только неравенство между людьми – оно восстановило бы и неравенство между различными видами труда. Мы немедленно стали бы свидетелями разделения на труд «чистый» и «грязный», «благородный» и «низкий»: первый выполнялся бы людьми более богатыми, второй же стал бы уделом более бедных. Иными словами, уже не

призвание и личный вкус побуждали бы человека заняться тем или иным видом деятельности, но интерес, надежда извлечь преимущества из этой профессии. Так возродились бы лень и усердие, заслуги и провинности, добро и зло, добродетели и грехи и, как следствие, с одной стороны, «вознаграждение», а с другой, – «наказание», закон, судья, полицейский, тюрьма.

Есть социалисты, которые настойчиво поддерживают эту идею индивидуального присвоения продуктов труда, делая упор на чувстве справедливости.

Странная иллюзия! Как можно при коллективном труде, который диктует нам необходимость производить в большом количестве и широко использовать машины, при этой растущей тенденции современного труда пользоваться результатами труда предыдущих поколений, – как можно при этом установить, какова здесь доля труда одного и доля труда другого? Это совершенно невозможно, и наши оппоненты настолько хорошо понимают это сами, что вынуждены, в конечном счете, заявить: «Ну, хорошо! Мы возьмем за основу распределения рабочий час». Но в то же самое время, они и сами допускают, что это было бы несправедливо, поскольку три часа работы Петра могут иметь ту же ценность, что 5 часов работы Павла.

Прежде мы называли себя «коллективистами», потому что этот термин отличал нас от индивидуалистов и авторитарных коммунистов; но, по существу, мы являлись просто антиавторитарными коммунистами. Называя себя «коллективистами», мы стремились выразить этим именем нашу мысль о том, что всё должно быть общим, не делая различий между орудиями труда, сырьем и продуктами коллективного труда.

Но в один прекрасный день мы увидели появление новой разновидности социалистов, которые, оживив ошибки прошлого, принялись, любуясь собой, философствовать,